

На правах рукописи

Власова Галина Борисовна

**ЛЕГИТИМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ
В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ
И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОСУДИЯ)**

23.00.02 – политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы
и технологии (юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Ростов-на-Дону – 2009

· Работа выполнена в федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Ростовский юридический институт МВД России»

Научный консультант: доктор юридических наук, профессор
Мордовцев Андрей Юрьевич

Официальные оппоненты: доктор юридических наук,
кандидат философских наук, доцент
Воронцов Сергей Алексеевич;
доктор философских наук, профессор
Попов Виталий Владимирович;
доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор
Рассказов Леонид Павлович

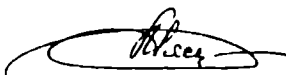
Ведущая организация – федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Защита состоится 3 ноября 2009 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д. 203.011.01 по юридическим наукам при федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Ростовский юридический институт МВД России» по адресу: 344015, Ростов-на-Дону, ул. Маршала Еременко, 83, ауд. 502.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ростовский юридический институт МВД России».

Автореферат разослан 2 октября 2009 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Мясников А.П.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В условиях развернувшейся еще в начале 90-х годов двадцатого века в России судебной реформы, ее основных проблем и противоречий вопросы легитимности национального правосудия были и будут в центре внимания специалистов в области юридического, политического и социально-философского познаний. При этом глобализационные процессы, а также свойственные переходному периоду развития российской государственности этноконфессиональные и иные конфликты, особенности формирования и функционирования механизма правового регулирования межнациональных отношений, типологическая незавершенность и несбалансированность национальной правовой системы создают тот фон, на котором политико-правовая динамика развития судебных институтов, их сопряженность с конкретным социокультурным пространством и историческим временем приобретают особый интерес.

Конечно, правосудие возникает и развивается в различных институциональных формах, несет на себе отпечаток отличающихся по своему содержанию правовых и политических систем, так или иначе вовлечено в сложнейшие социально-экономические и духовные процессы, оказывает влияние на способ организации юридико-культурного континуума не только на уровне конкретного государства, но и в рамках межгосударственного взаимодействия.

Так, в странах западной политико-правовой традиции институт правосудия в ходе своего становления и изменения постепенно приобретает универсальное значение: именно специфика осуществления правосудия, оценка эффективности этого процесса большинством населения, его образ становятся своего рода индикатором качества осуществления публичной власти, являются важнейшим показателем уровня развития механизма защиты прав и свобод человека и обществ, определяют возможности и правовые способы воздействия последних на структуры исполнительной и законодательной власти. Судебная власть призвана выражать волю общества, гарантировать интересы социума, отдельных социальных групп, человека и гражданина, а ее функционирование во многом зависит от обычаев и традиций народа, исторически сложившихся и присущих ему форм и методов разрешения конфликтов, а так-

же уровня развития юридической науки, правовой культуры в конкретном социуме и др. «В большинстве европейских государств установлен умеренный образ правления, потому что их государи, обладая двумя первыми властями, предоставляют своим подданным отправление третьей»¹.

В этом плане можно говорить о наличии нескольких источников западной модели правосудия, среди которых следует выделить теологические, каноническое право, римское право и институты городского самоуправления.

Значительно сложнее генезис институтов судебной власти, становление и эволюция политико-правовых форм их легитимации имели место в отечественной государственности, в рамках которой обнаруживаем диалектику традиционных ценностей и инновационных элементов в организации отечественного правосудия, российского судоустройства. Последнее, так или иначе, характерно для всех наиболее масштабных реформ судебной власти и является одной из их базовых характеристик и определяет институциональный профиль национальной «судительной власти» (С.Е. Десницкий).

В целом же этноантропологическое содержание правосудия в России и в других государствах, правовые формы функционирования его институтов и способы их легитимации в публично-властном пространстве должны быть интерпретированы в контексте борьбы двух тенденций институциональных реформ: копирование, т.е. заимствование готовых зарубежных моделей, либо сохранение и последовательная модернизация исконных структур. Выбор и реализация любого проекта предполагает и различные способы легитимации судебной власти, когда и организация, и результаты ее деятельности соответствуют представлениям большинства населения страны о справедливости, законности, целесообразности, отвечают ожиданиям личности, отдельных социальных и профессиональных групп. В ходе затянувшейся в постсоветском государстве судебной реформы обострение интереса и юристов-теоретиков, и юристов-практиков к политико-правовым формам легитимации судебной власти, институтов отечественного правосудия вполне оправданно.

Необходимость комплексного осмысления социокультурных и политико-правовых оснований легитимации правосудия обусловлена так-

¹ *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. М., 1999. С. 139.

же институциональными издержками системного кризиса, модернизационными рисками, естественно, накладывающими ограничения на различные варианты институционализации судебной власти, призванной служить гарантом сбалансированности публичных, корпоративных и личных интересов, разнонаправленных процессов в современном обществе.

Степень научной разработанности проблемы. Политико-правовые и социокультурные основания легитимации институтов судебной власти еще не являлись предметом специального, комплексного научного исследования. Вместе с тем сущностные признаки правосудия и его структурно-функциональные характеристики всегда интересовали философов права, юристов и политологов, поэтому в настоящее время наличествуют различные традиции их изучения, отличающиеся по своим теоретико-методологическим предпочтениям, научными школами. Необходимо отметить также и имеющий место большой массив специальной литературы, в которой представлены те или иные попытки концептуального рассмотрения исторических, правовых, социально-политических аспектов функционирования правосудия в обществе.

В истории западной философии права первый опыт исследования правосудия и его предпосылок обнаруживается в античной классике, в трудах Платона и Аристотеля, анализирующих эту отрасль государственной власти с позиций поиска совершенной модели общественного устройства и преодоления кризиса полисной системы.

Значительное развитие тема правосудия получает в рамках христианского интеллектуализма, традициях восточной и западной патристики, католической схоластики; здесь появляются новые смыслы и понятия, свидетельствующие об актуализации пространственно-временных координат божественного и человеческого, сакрального и профанного для понимания сущности судебной власти.

Концептуальные предпосылки современного понимания судебной власти, ее места и роли в жизни социума во многом были заложены в Новое время, в контексте рационального обоснования «естественных прав», теории «общественного договора» и разделения властей. В первую очередь здесь следует отметить фундаментальные труды Т. Гоббса, Дж. Локка, Б. Спинозы, Ш.-Л. Монтескье, Ч. Беккариа, Ж.-Ж. Руссо.

Значительный вклад в философское понимание сущности суда, форм его легитимации внесла и метафизика немецкого идеализма и, прежде

всего, системы И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. В рамках трансцендентального философского контекста институты судебной власти впервые были осмыслены в контексте проблемы самоутверждения человека в государстве, политико-правовом пространстве, истории. Эвристически важными для настоящего диссертационного исследования являются образ суда и содержание «права на суд», представленные в «Философии права» Г.В.Ф. Гегеля.

Весьма характерным является осмысление проблем правосудия в работах таких философов, как А. Камю и Ф. Кафка: эволюция либеральной идеологии, кризис традиционной для европейской культуры системы ценностей и рационалистического обоснования мировоззрения привели к утрате возможности автономного обоснования права на суд в современном обществе.

Необходимо отметить и вклад М. Фуко в разработку проблем социокультурных и исторических предпосылок политико-правовой институционализации европейского правосудия. Точка зрения М. Фуко может рассматриваться как характерный для XX века пример критического переосмысления исторического опыта идеократических моделей социально-политического развития (правосудие как определенная практика понимается им как часть идеологии и средство установления «тотального господства дискурса власти»). Из крупных социальных мыслителей Новейшего времени, чьи разработки обладают большим потенциалом для раскрытия сущности, места и роли институтов правосудия в культуре, можно назвать также М. Вебера и Э. Гидденса.

Огромный вклад в понимание сущности правосудия и его общественного санкционирования внесла русская философско-правовая и общественно-историческая мысль второй половины XIX – начала XX вв. Следует подчеркнуть, что именно русская религиозно-метафизическая и социальная мысль сыграла огромную роль в преодолении «юридизма» и формализма, присущих западному правовому сознанию. Назовем таких авторов, как Н.Н. Алексеев, И.А. Ильин, П.Е. Казанский, А.Ф. Кони, Н.М. Коркунов, И.В. Михайловский, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, В.С. Соловьев, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, Е.Н. Трубецкой, Б.Н. Чичерин и др.

Религиозно-правовые факторы эволюции институциональных форм правосудия и трансформация способов их легитимации исследуются в

работах П. Баренбойма, М.С. Беленького, И.П. Вейнберга, Э. Гальбиати, Х. Герцога, Г. Гече, А. Грейма, В. Жаботинского, М. Левиттиса, Р.А. Папаяна, А. Пьяцца, М.И. Рижского, Л.Р. Сюкияйнена, Дж. Хорда, И.Ш. Шифмана и др.

Большое значение для анализа культурных предпосылок правосудия имеют идеи западной философско-культурологической, антропологической и правовой мысли XX столетия, принадлежащие Р. Давиду, П. Джонсону, К. Жоффре-Спинози, Б.Н. Кардозо, Х. Кетцу, А. Кожеву, К. Коссио, А. Леви-Брюлю, Ч. Ломброзо, Н. Луману, Ж. Маритену, Л. Райнхарду, П. Рикеру, К. Цвайгерту, К. Шмитту и др.

Проблемы судейского усмотрения обстоятельно исследуются А. Бараком, который высказывает ряд интересных идей о его месте и роли в процессе трансформации культурного опыта в нормативные стандарты, «перевода» обычая в право посредством института правосудия и т.п. Эволюцию институтов судебной власти в условиях демократизации общества исследуют А. Гарапон, Дж. Мид и др.

Специфика национальных политико-правовых оснований правосудия, зависящего от цивилизационно-исторических различий восточной и западной культур, анализируется в работах П.П. Баранова, Ю.Л. Бессмертного, Я.А. Богородского, Г.М. Бонгард-Левина, Л.С. Васильева, А.М. Величко, А.Я. Гуревича, Б.С. Ерасова, Н.Н. Ефремовой, Н.В. Исаева, А.П. Каждана, Я.А. Канторовича, Ф.Х. Кессиди, А.Н. Кобзева, И.Ю. Козлихина, С.Л. Крачковского, М.К. Кудрявцева, С. Кучера, В.И. Кычанова, А. Левандовского, Г.Г. Литаврина, С.Г. Лозинского, О.В. Мезенцева, А.Ю. Мордовцева, В.С. Нерсисянца, А.И. Овчинникова, В.Д. Плахова, М. Рейснера, В.Н. Ромашова, В.С. Сергеева, В.Н. Синюкова, М.Л. Титаренко, Ф. фон Халема, К.В. Хвостовой, И.С. Чичурова, Л.И. Чугуевского, З.В. Удальцовой, А.М. Ушкова, В.А. Якобсона, В.Н. Ярхо и др.

Различные черты и противоречия эволюции институтов судебной власти в условиях глобализационных процессов исследуются Е.С. Алисиевичем, А.П. Бутенко, А.Ф. Извариной, В.А. Карташкиным, О.В. Мартышиным, Н.Н. Моисеевым, Ж.И. Овсепяном, И.Л. Петрухиным, Н.Е. Покровским, С.Л. Рогожиным, Н. Руланом, В.М. Савицким, А.Н. Сачковым, В.Е. Сафоновым, Э.Ю. Соловьевым, М. Супатаевым, А.В. Шияновым, М.Л. Энтиным и др.

Проблемам судебной реформы в России, а также определению мес-

та и роли правосудия в плане обеспечения прав и свобод человека и гражданина посвящены труды Д.И. Беднякова, О.А. Бойкова, Н.В. Витрука, С.В. Вицина, Л.Д. Воеводина, Е.А. Лукашевой, Т.Г. Морщаковой, О.Э. Сокольского, Н.В. Федорова и др.

В целом же, необходимо отметить, что плюрализм мнений и подходов при изучении природы и значимости судебной власти свидетельствует не только о научной значимости темы, но и о недостаточной конкретизации политико-правовых и социокультурных форм легитимации правосудия как одной из форм публичной власти.

Объектом диссертационного исследования являются институты публичной власти в их самобытности и универсальности.

Предмет исследования – легитимация правосудия как одной из институциональных форм публичной власти.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении особенностей политико-правовой и социокультурной легитимации институтов правосудия как одной из форм трансформации публичной власти в условиях современной мультикультурности.

Данная цель реализуется через решение следующих исследовательских задач:

- выявить институциональные признаки правосудия и систематизировать основные концептуальные подходы к пониманию его места и значения в политико-правовом и социокультурном пространстве;
- определить роль институтов судебной власти в возникновении и эволюции системы разделения властей и различные политико-правовые версии ее реализации;
- дать социально-правовую оценку судебным ритуалам и символам в процессе функционирования и легитимации правосудия;
- выделить и охарактеризовать основные тенденции модернизации судебной власти в рамках западной и восточной политико-правовой традиции;
- обосновать политико-правовое значение легитимации правосудия как формы осуществления публичной власти для сохранения устойчивого развития национальных государств;
- в контексте соотношения традиционных ценностей и инновационных институтов показать специфику трансформации институтов судебной власти в национальном государстве;
- выявить особенности содержания и форм судопроизводства в пра-

вокультурном измерении;

- определить содержание и вектор современных глобализационных политико-правовых процессов, характер и степень их воздействия на трансформацию институтов правосудия;

- провести конфликтологическую экспертизу легитимации международного правосудия;

- проанализировать результаты и перспективы взаимодействия институтов национального правосудия и Европейского суда по правам человека в контексте поиска новых форм легитимации судебной власти в современной России;

- обозначить специфику функционирования судебной власти в правовых и политических системах конвергенционного типа;

- обосновать значение правосудия в качестве институциональной основы обеспечения и защиты национальных интересов, прав и свобод личности, сохранения отечественного институционально-правового профиля и политического ландшафта.

Методологическая и теоретическая основы исследования. Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования существенным образом опирается на разработки в области политологии, философии и методологии юридической науки, истории политических и правовых учений, принадлежащих отечественным и зарубежным специалистам.

Процессы легитимации судебной власти в национальном государственно-правовом пространстве изучаются в рамках институциональной и неинституциональной методологии. В результате использования соответствующих ей методов и эвристических схем автор выявляет и анализирует специфический для каждого социума способ организации институтов публичной власти, институциональную конфигурацию судебной власти, определяет правовые и политические основы присущего государству и обществу институционального дизайна, тенденции его трансформации в глобализирующемся мире.

Предмет, цель и задачи исследования, системный характер диссертации определили ее методологическую основу, которая обеспечивается сочетанием всеобщих, общенаучных и частнонаучных (диалектического, логического и структурно-функционального анализа, социологического, историко-генетической реконструкции, контент-анализа и др.)

и специальных методов исследования (сравнительно-правового, историко-правового и др.).

В работе сделан акцент на применение принципа дополнительности в понимании специфики легитимации институтов правосудия в национальном государственно-правовом пространстве: с одной стороны, имеющие место политические и юридические институты, структуры и механизмы во многом обуславливают человеческую активность, ее характер и направленность, а с другой – эффективность и устойчивость компонентов национальной государственности предопределяются «субъективным фактором».

Важнейшую роль в диссертационном исследовании играет и применение методологического и эвристического потенциала диалектического анализа социально-исторической действительности и ее ключевых моментов – права и нравственности. Также в работе были использованы некоторые теоретические наработки, принадлежащие современной культурологической мысли и способствующие спецификации и типологизации политико-правовых феноменов.

Нормативно-правовой основой исследования стали Конституция РФ, федеральные (включая федеральные конституционные) законы. В работе используются также конституции ряда зарубежных стран, нормативно-правовые акты прошлых эпох.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена ее предметом, целью и решаемыми задачами, а также особенностями избранного теоретико-методологического инструментария и заключается в следующем:

- в рамках институционально-правового измерения представлена многоуровневая структура правосудия;
- установлена теоретическая и методологическая взаимосвязь политико-правовой природы суда, основных направлений и приоритетов развития институтов судебной власти и особенностей социально-антропологического мира, в рамках которого проходят процессы их легитимации;
- институты судебной власти эксплицированы в качестве организационно-правовой и социальной основы реализации различных моделей разделения властей, верифицирована гипотеза о наличии отношений их соподчиненности с другими явлениями политико-правового устройст-

ва и национально-культурной среды;

- систематизированы и критически оценены различные подходы к пониманию сущности и значения судебных ритуалов в процессе легитимации правосудия;

- сохранение легитимности институтов публичной власти представлено в качестве важнейшего элемента и необходимого условия существования системы устойчивого развития национального государства;

- дана институционально-правовая оценка имеющим место в западной и восточной моделях цивилизации издержкам модернизации судебной власти, связанным с традиционно-инновационной антиномичностью и сохраняющимися противоречиями между рецепированными формами и модифицированными структурами;

- проведена конфликтологическая экспертиза культурно-ценностной и нормативной модели правосудия в международном политико-правовом пространстве;

- в контексте политико-правовой динамики институтов судебной власти, ее современных юридических трансформаций выявлены подходы к определению эффективности правосудия по реализации стратегий противодействия основным глобализационным рискам;

- выявлены причины и особенности институциональных деформаций и процессов делегитимации правосудия, возникших в ходе проведения постсоветской судебной реформы в условиях конвергенционной правовой и политической систем;

- обосновано первостепенное значение институтов судебной власти по преодолению правовой дискретности в деятельности исполнительных структур государственной власти, различного рода злоупотреблений властью и должностными полномочиями, осложняющими функционирование политико-правового механизма обеспечения национальных интересов, прав и свобод человека в современной России.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Правосудие – это сложный многоуровневый политико-правовой феномен, институциональная форма публичной власти, сопряженная с эволюцией национальных судебных систем, особенностями соотношения политико-правовых традиций и инноваций, реформаторско-контрреформаторскими процессами, призванная в рамках определенной законодательством и иными источниками права компетенции осуществ-

лять разрешение различных по содержанию, основаниям возникновения и последствиям юридических конфликтов. Легитимность правосудия является обязательным условием его эффективности и связана с местом институтов судебной власти в национальном политико-правовом пространстве, а также соответствием их деятельности представлениям большинства населения государства о правовом порядке и справедливости, существующим идеалам духовной, экономической и политической свободы человека и общества.

2. Становление и функционирование институтов правосудия проходит в рамках взаимодействия двух уровней политико-правовой и социокультурной легитимации: статического и динамического. Статический уровень включает такие относительно устойчивые элементы, как институциональные субъекты правосудия; институционально-правовое (законодательное) и институционально-организационное его оформление; межинституциональные интеракции. На динамическом уровне осуществления правосудия возникают и изменяются социокультурные, аксиологические элементы, устанавливающие значимость этого института для устойчивого развития государства и гражданского общества, механизм и формы легитимации судебных структур, система средств, методов осуществления правосудия и сопутствующие ей различные институциональные искажения (недопустимое расширение пределов судебного усмотрения, иные злоупотребления), а также интеллектуально-ресурсное обеспечение этой формы государственной власти.

3. Политико-правовая и социокультурная легитимность правосудия, его авторитет, место в системе институтов публичной власти определяются по крайней мере двумя критериями: а) воспроизводством и устойчивостью этой институционально-правовой формы на более или менее длительном промежутке времени существования национального государственно-правового пространства, наличием определенной преемственности (структурно-организационной, юридической, ресурсной и др.); б) связанным с состоянием правового порядка и содержанием правосознания населения признанием эффективности правосудия, положительной оценкой институциональной конфигурации судебной власти, уровнем ее приближенности к интересам общества, доступности и социально-правовой результативности. Легитимность правосудия всегда будет иметь незавершенный характер, т.к. проходит в условиях стра-

тифицированного социума, в котором не может быть абсолютного совпадения интересов индивидов и их групп, их оценок правовой и политической жизни. Кроме этого, процессы легитимации сопряжены с особенностями включенной в конкретный социальный мир правовой реальности, присущей ему спецификой юридической институционализации действий, отношений, смыслов.

4. Институты судебной власти объективируют сложившиеся в рамках определенной исторической эпохи и государственно-правовой парадигмы юридические, нравственные, политические и иные императивы, сохраняющие свое влияние национальные обычаи и др. В этом плане следует различать идеальный тип правосудия, раскрываемый через концентрированное выражение его универсальных политико-правовых характеристик и реальные институционально-правовые и организационные формы судебной власти, во многом связанные с моделью разделения властей, каждая из которых определяет институциональный профиль публичной власти, конфигурацию и характер политико-правовой коммуникации ее органов, имеет собственные источники возникновения (парламентская практика, религиозные каноны, институты самоуправления, философско-правовые доктрины, кодификации и разного рода инкорпорации и т.п.). Уровень развития и эффективность судебной власти, объем ее юрисдикции, процессуально-правовые особенности в свою очередь задают специфику функционального взаимодействия законодательных и исполнительных структур.

5. В общецивилизационном контексте процесс политико-правовой и социокультурной легитимации правосудия связан с прохождением ряда стадий, а соответственно, с возникновением его преемственных институциональных форм: а) натуроцентристской (в условиях еще только зарождающейся социальности и половозрастной дифференциации суд вершился от «имени» господствующих природных сил); б) теоцентристской (содержание понятий «праведность», «справедливость», «правосудность» основано на апелляции к Богу как высшему авторитету, абсолютной истине, а земные судьи лишь «исполняют волю Божию»); в) социоцентристской (основанной на теориях естественных прав человека и общественного договора, утилитарно-прагматических установках: ценность и социальная польза правосудия определяются защитой интересов индивида, общества и государства); г) антропоцентристской,

которая в идеальном виде должна утверждать права личности в качестве основания национального и международного политико-правового бытия, способствовать гуманизации права и закона, сближению юридических и моральных норм, однако на рубеже XX и XXI вв. еще не получила своей реализации, а значит, и не стала объектом легитимации.

6. Ритуально-символическая сторона правосудия всегда выражает связь с прошлым политико-правовым опытом конкретного общества, отражает соответствующие правовые архетипы, сохраняет символический порядок и обозначает дистанцию между тем, что социально приемлемо, и тем, что уже выходит за границы возможного. В различных институциональных формах и видах юрисдикций (уголовной, гражданской, административной) судебный ритуал, включенный в процесс интериоризации и экстериоризации институтов судебной власти и процесс разрешения различных типов юридических конфликтов, является значимым элементом ее политико-правовой и социокультурной легитимации.

7. Западноевропейская форма организации судебной власти осуществляется в институционально-правовом и организационном пространстве, в рамках которого проходит «индустрия процессов», осуществляемая адвокатским сообществом, стремящимся максимизировать свой доход за счет втягивания клиентов в целую цепь дорогостоящих судебных заседаний, весьма часто негативную роль играет и институт присяжных заседателей, не способствующий повышению качества выносимых приговоров и решений. Таким образом провоцируется кризис доверия к институтам правосудия и интенсифицируется поиск новых форм их легитимации. Восточная версия политико-правовой институционализации и функционирования правосудия традиционно основана на субсидиарном характере права, его вторичной роли в регулятивном пространстве государства и общества. В этой связи для разрешения юридических конфликтов используются разнообразные институциональные формы посредничества, позволяющие осуществлять внесудебное разрешение споров. Имеющие же место тенденции вестернизации приводят не к усилению роли правосудия, а к разрушению социального порядка, политико-правовой делегитимации институтов публичной власти.

8. В евро-американской традиции социокультурные и политико-пра-

новые формы легитимации институтов правосудия связаны с рационалистическим типом правового сознания, источники которого лежат в античном социально-правовом наследии, протестантизме и католичестве, антитрадиционализме. Основой западной модели судебной власти в настоящее время является, во-первых, дистанция между индивидом и субстанциональным единством социума; во-вторых, ориентация на горизонтальные отношения между гражданином и его интересами и государством как особым институциональным субъектом, носителем публичных интересов; в-третьих, постепенное уменьшение роли принципа состязательности, когда четкое следование процедурным нормам не приводит к высокому качеству судебных решений и приговоров, обнаружению истины. Рациональный стиль европейского правового мышления, а также свойственное обществу «всеобщего потребления» преобладание утилитаристских ценностей уже к началу XX в. обусловили гиперболизацию значения судебных форм разрешения конфликтов, что и привело к нивелированию места и роли внесудебных согласительных институтов, нарушению регулятивного баланса между юридическими, моральными и корпоративными нормами, сужению пространства функционирования альтернативных способов достижения согласия и социальной стабильности («неформального права»).

9. Современные глобализационные процессы являются контекстом развития института правосудия, во многом определяют содержание национального законодательства в этой сфере, задают вектор (проект) трансформации правосудия (в том числе и отечественного), обуславливают возникновение различных институциональных искажений, причинами которых являются: а) механическое внедрение новых (возникших в иной институциональной системе, отличающейся политико-правовой традиции) институтов в сложившуюся структуру судебной власти; б) неизбежное изменение в ходе конвергенционных процессов функций и содержания ряда собственных институтов судебной власти, которое происходит на фоне сохранения укорененных в повседневности правокультурных образов и стереотипов, связанных с легитимностью национального правосудия, сохранением социального консенсуса, идеологической основы этой системы и стагнации иных политико-правовых институтов; в) несоответствие заданных в ходе институциональной правовой политики в сфере судебной власти целей и стратегий на-

циональным (например, российским, постсоветским) реалиям, темпам политико-правовых изменений и их последовательности. Методологически оправдано различать три отличающиеся по содержанию и результатам институциональные формы глобализации судебной власти – региональную, континентальную и планетарную – и считать, что только первые две, имеющие место на всех этапах истории человечества и охватывающие группу культурно сопряженных и географически сопредельных государств, способны минимизировать модернизационные политико-правовые риски и обеспечить оптимальное сочетание судебного-правовых традиций и инноваций.

10. Политико-правовая и социокультурная легитимация международной судебной системы связана с повышением авторитета институтов международного права. Международное правосудие является способом решения многих проблем, возникающих у граждан различных государств, а его политико-правовые и институциональные аспекты являются мультиформной базой государственно-правовой интеграции, действенной коммуникационной универсалией. Однако лидирование России по количеству гражданских жалоб, поданных в Европейский суд по правам человека, при низком проценте обращений, принятых к рассмотрению в этой международной инстанции, является показателем: а) низкого уровня легитимности национального правосудия и его социальной эффективности; б) качественных изменений правовой культуры и правового сознания россиян, происшедших за последние десять лет; в) сохраняющегося отчуждения институтов гражданского общества и публичной власти, отношения между которыми строятся по конфронтационно-антиномичной модели. Изменение ситуации невозможно путем правительственных деклараций или «президентских призывов», т.к. должны произойти радикальные изменения в содержании и функциях судебной власти, обеспечивающие переход к контракталистскому проекту взаимодействия индивида, общества и государства, а также соответствующим ему формам легитимации публичной власти.

11. Институты судебной власти являются гарантией правового государства, одним из основополагающих начал его формирования. Именно правосудие представляет собой институциональное пространство, на котором различными субъектами права (личностью, корпорациями, государством и др.) могут быть предъявлены обоснованные и законные

требования. В этом плане уровень легитимности российской судебной власти определен, во-первых, ее эффективностью по противодействию злоупотреблениям в сфере федеральной и региональной исполнительной власти, местного самоуправления; во-вторых, способностью выступать в качестве беспристрастного защитника прав граждан от произвола правоохранительных органов; в-третьих, соответствием организации и структуры судебной власти, специфики ее функционирования (порядок обращения, сроки, объем властных полномочий по отношению к исполнительным и иным органам публичной власти, отдельным государственным и муниципальным чиновникам) представлениям большинства населения об основном предназначении этого института.

12. В условиях переходного характера постсоветской государственности, конвергенционных правовой и политической систем, неустойчивого развития и функционирования российского федерализма, полиэтничности и приоритетности задач по сохранению единства и целостности национального государственно-правового пространства нельзя стимулировать процессы диверсификации отечественного правосудия. В настоящее время необходимо: а) не допускать дробления единой судебной власти, но и не отказываться от специализации общей судебной системы (ювенальные суды, административные суды, рассматривающие дела по жалобам на неправомерные действия органов государственного управления и должностных лиц и др.); б) наряду с общей федеральной судебной системой развивать и негосударственные институты правосудия (третейские, «совестные», «традиционно-национальные» и др.) и различные медиативные процедуры, которые должны получить соответствующее их целевому предназначению и значимости законодательное оформление.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования.

Материалы, результаты и выводы диссертационной работы раскрывают перспективы дальнейшего научного исследования проблемы политико-правовой институционализации правосудия, форм и способов его легитимации в контексте либерально-демократического реформирования российской государственности, а также намечают возможные корректировки стратегии постсоветского государственно-правового строительства и представляют интерес для законодательных, исполни-

тельных и судебных органов как на федеральном уровне, так и в субъектах РФ.

Основные положения диссертационного исследования, полученные выводы об особенностях и механизме достижения и сохранения необходимого уровня легитимации судебной власти в условиях переходного государства и демократического транзита могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной практиках, а также при формировании федеральных и региональных программ, направленных на развитие судебной системы России. В частности, некоторые из результатов диссертации могут быть положены в основу концепции формирования модели восстановительного правосудия, развития иных форм разрешения правовых конфликтов.

В рамках учебного процесса основные выводы диссертационного исследования могут быть использованы при преподавании курсов «Теория государства и права», «Конституционное право РФ», «Конституционное право зарубежных стран», «Политология», «История государства и права России», «История государства и права зарубежных стран» и др., а также при проведении занятий со студентами и аспирантами по ряду спецкурсов государственно-правовой специализации.

Апробация диссертационного исследования. Основные идеи, результаты, выводы и рекомендации диссертации отражены в докладах и сообщениях автора на международных, всероссийских, региональных и межвузовских конференциях.

Положения диссертационного исследования обсуждены и одобрены на заседании кафедры государственно-правовых и политико-философских дисциплин Ростовского юридического института МВД России.

Структура диссертационной работы обусловлена предметом, целью и задачами исследования, состоит из введения, четырех глав, одиннадцати параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, характеризуется состояние разработанности проблемы, формулируются объект и предмет, цель и задачи, раскрывается научная новизна диссертационного исследования, представляются положения, выносимые на защиту, оценивается теоретико-практическое значение работы, приводятся основные формы и результаты ее апробации.

Первая глава «Институты публичной власти в социокультурном и политико-правовом пространстве: теоретико-методологический анализ» состоит из трех параграфов. В ней диссертант осуществляет теоретико-методологический анализ институционально-правовых, политических и социокультурных оснований публичной власти, определяющих ее содержание и функционирование, а также виды и конфигурацию ключевых структур. Особое внимание в главе уделено выявлению специфики генезиса и трансформации правосудия, определению его места и значения в публично-властном пространстве.

В первом параграфе *«Эволюция правосудия в системе институтов публичной власти: концептуальные версии»* выявляются и исследуются сложившиеся в различных типах цивилизаций, отличающихся политико-правовых традициях подходы к пониманию институциональных признаков правосудия, его значения в системе публичной власти, социально-правовой природы данного института. Диссертант проводит сравнительный анализ, типологизирует имеющие место концептуализации, прослеживает их эволюцию, показывает сопряженность основных аспектов правосудия с ключевыми событиями европейской истории, конфигурацией властных отношений и институтов, политическими практиками, философско-правовыми доктринами т.д.

По мнению соискателя, рассмотрение специфики и вектора эволюции правосудия в контексте западной и восточной государственно-правовой традиции убеждает в том, что суд является не просто одним из институтов национальных правовых систем. Его сущность, функционирование связаны с архетипическими и символическими основами конкретной цивилизации, получающими выражение в религиозном мирозерцании, философском и научном миропонимании.

В начале параграфа диссертант выделяет и анализирует основные

источники развития институтов публичной власти, оказавшие влияние и на генезис и становление правосудия. Автор отмечает, что мифология, религия, политические практики и философские доктрины обусловили формирование правового сознания и правового мышления населения, получившее отражение в специфике организации и функционирования институтов правосудия.

Так, выделение судебной практики как важнейшего институционально-правового и социокультурного элемента в библейском сюжете непосредственно связано с тем, что судебная власть была признана наделенной таким же божественным началом, как и царская, исполнительная власть, признана равной этой власти. Ясно, что такого рода идейные установки оказались теснейшим образом сопряженными с эволюцией правосудия в иудейско-христианской традиции, повлияли на развитие системно-функциональных связей между судебными институтами и иными отраслями публично-властной действительности.

Далее диссертант показывает, что институт правосудия в культуре, несомненно, принадлежит к числу наиболее социально востребованных, максимально значимых именно в практической жизни, что, естественно, связано с местом и значением судебной власти – стержневым институтом правовой системы, обеспечивающим правовой порядок в обществе, справедливое разрешение юридических конфликтов, а значит, и достижение компромисса в многообразии общественных отношений. Последнее диссертант представляет в качестве символических «узловых точек», вбирающих в себя «начало» и «конец» социально-правовой практики. Тем не менее, содержание, которым наполняются эти институциональные координаты, несомненно, зависит от исторической конкретики, особенностей правовой и политической ментальности народа.

В рамках политико-правового дискурса диссертант анализирует различные позиции, концепции, принадлежащие как западным, так и отечественным исследователям XIX–XX вв. Наличие различных подходов к пониманию социокультурной и цивилизационной природы правосудия, всегда связанного с особенностями публичной власти, имеющим место институциональным профилем сложившейся в конкретном государстве системы властных отношений, позволяет выявить сопряженность основных этапов эволюции правосудия и способов, источников его легитимации.

В этом плане соискатель считает, что имеющие место (сформулированные М. Вебером) «чистые» типы легитимации публичной власти можно рассматривать только в качестве модельных вариантов понимания сущности отношения народа к деятельности властных структур. Реально же никогда не действует исключительно один тип легитимации, как правило, они всегда переплетаются, особым образом комбинируются. Однако несомненно и то, что среди множества способов и форм легитимации публичной власти имеет место один, доминирующий вариант, источники которого лежат как в области рациональных установлений, так и в сфере иррациональных «импульсов», влияющих на поведение индивидов и их групп, массовые и индивидуальные ценностные ориентации.

В отношении развития и функционирования правосудия в системе западных институтов публичной власти диссертант отмечает: а) ранние формы институционализации правосудия были основаны на исторических и духовных (мифологических, обычно-традиционных, религиозных, харизматических и т.п.) элементах, имеющих иррациональную природу и не требующих юридической формализации и позитивации; б) в западном типе цивилизации уже к концу XVIII – началу XIX вв. в силу ряда факторов (европейских революций и эпохи Реформации, бурного развития позитивистского направления юридической науки и т.д.) возобладали рациональный тип легитимации правосудия, имеющий к тому же выраженный утилитарно-прагматический характер (практическая работа судебных структур на благо общества и отдельного человека), что не только изменило принципы деятельности судов, но и стимулировало явное усложнение судебной системы, необходимость концептуального обоснования исключительности ее институтов, важности их «отделенности» от иных отраслей государственной власти (Ш.М. Монтескье, А. Гамильтон и др.), сопряженности с институтом прав и свобод человека и гражданина.

В завершение параграфа соискатель констатирует историческую и социокультурную предопределенность вектора эволюции институтов европейского (евро-американского) правосудия в западной политико-правовой традиции. В качестве основ этого процесса диссертант выделяет античное философско-правовое наследие, римское право (и его рецепция), христианские принципы справедливости и воздаяния, воз-

никновение университетского юридического образования, нововременные (модернизационные) государственно-правовые доктрины (Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье, А. Гамильтона и др.), а также выработанные в ходе длительной реформистско-революционной эпохи идеалы демократии и либерализма.

В государствах же, принадлежащих к иной (незападной) политико-правовой парадигме, и эволюция правосудия, и его место в системе иных институтов публичной власти, и способы и формы легитимации судебной практики существенным образом отличаются, что и определяет важность исследования таких категорий, как «национальное» и «универсальное», «традиции» и «инновации» в государственно-правовой сфере и др.

В начале второго параграфа *«Правосудие как институционально-правовая форма публичной власти: функциональные метаморфозы»* диссертант, используя метод институционального и социокультурного измерения, предлагает авторское определение правосудия.

В этом методологическом ракурсе правосудие является сложным многоуровневым политико-правовым феноменом, одной из важнейших форм деятельности институтов публичной власти, сопряженной с эволюцией национальных судебных систем, особенностями соотношения политико-правовых традиций и инноваций, реформаторско-контрреформаторскими процессами, призванной в рамках определенной законодательством и иными источниками права компетенции осуществлять разрешение различных по содержанию, основаниям возникновения и последствиям юридических конфликтов.

Такой подход к осмыслению институциональной и социально-правовой природы правосудия связан, прежде всего, с развитием самого права в европейском публично-властном пространстве. Диссертант показывает, что «право понималось как выражение справедливости и не отождествлялось с приказами суверена, поэтому весьма важная роль в выработке и формулировании правовых норм ложилась на судебную практику, руководимую доктриной» (Р. Давид). Следовательно необходимо преодолеть весьма ограниченную по своему теоретико-методологическому потенциалу позитивистско-прагматическую трактовку суда и правосудия и рассматривать их одновременно в качестве института властного пространства и элемента социокультурной действительности, включающей моральную, традиционно-обычную, религиоз-

ную, ментальную и т.п. составляющие. Только в таком контексте можно выявить объективный характер процесса наделения суда теми функциями, который он призван исполнять в соответствии с его местом и ролью в системе институтов публичной власти.

Далее соискатель подробно останавливается на анализе функций судебной власти. В частности, он отмечает, что социокультурные функции институтов судебной власти представляют собой качественно особый уровень их развития и познания, связанный с сущностью этих явлений, функции же суда, выделяемые в юридической литературе, представляют собой возникающие в истории конкретных государства или цивилизации в силу действия тех или иных факторов их модификации, т.е. являются результатами серьезных институционально-правовых и политических трансформаций, социальных метаморфоз. Следовательно, нельзя отождествлять социокультурные функции суда и их позитивно-правовое оформление в различных государствах и регионах мира.

Диссертант выделяет и представляет подробную характеристику следующих функций судебной власти как институционально-правовой формы публичной власти: а) выполнение роли незаинтересованного арбитра, приводящего в действие правовой и социокультурный механизм разрешения споров, которые не могут быть разрешены без посредника («третичный способ»); б) оптимизация соотношения нормы позитивного права и ценностно-смыслового содержания общественных отношений; в) стимулирование процессов правовой институционализации (позитивации) обычаев и традиций, религиозных установлений и др. В качестве примера последнего в диссертации рассматривается социокультурный статус правосудия в англосаксонской системе права, особенности которого были зафиксированы уже в американской Декларации независимости (1776 г.) и Конституции США (1787 г.), в которых право на суд связывается с идеей «выражения в праве божественного разума».

В завершение параграфа диссертант определяет специфику трансформации целей и содержания института правосудия и на этом основании выделяет различные его виды: натуроцентристский, теоцентристский, социоцентристский, антропоцентристский (модель, ориентирующаяся на либеральные политико-правовые принципы, первичность прав человека и гражданина).

Таким образом, становление и функционирование институтов пра-

восудия проходит в рамках взаимодействия двух уровней – статического и динамического. Именно их анализ позволяет сформулировать основные критерии легитимности правосудия, сохранения его авторитета, места и значения в системе институтов публичной власти.

Третий параграф *«Генезис и институционализация судебных ритуалов в различных политико-правовых и социокультурных традициях»* посвящен правоантропологическому аспекту легитимации институтов публичной власти. Основная цель параграфа состоит в исследовании специфики включенности судебных ритуалов и символов в процесс легитимации правосудия, определении их значения для оценки его эффективности, а также принятия, одобрения и поддержки институтов судебной власти со стороны большинства членов общества (в стратифицированном социуме легитимация никогда не может быть абсолютной).

В начале параграфа диссертант отмечает, что восприятие правосудия и судебной практики в обществе часто основано не только на полученных результатах, в той или иной мере соответствующих коллективным представлениям о справедливости, законности и целесообразности, но и на восприятии процессуальной стороны судопроизводства. Вообще, со словом «суд» почти всегда возникают определенные ассоциации: специфическое место проведения судебного заседания, ритуалы в уголовном и гражданском процессах, удар молотка, наличие судебных символов (мантин, герба и др.) и т.п.

Следует отметить и тот факт, что в транзитивном государстве, в условиях трансформации национальных правовых институтов и широкомасштабных рецепций заимствованная либо восстановленная, принадлежащая прежним историческим эпохам ритуальность в правосудии, как правило, оценивается по разному: весьма часто и специалисты, и совершенно не искушенные в вопросах судебной практики лица многие возникшие и получившие законодательное оформление ритуалы и символы (например, судейские мантии, институт присяжных заседателей и др.) воспринимают как избыточные, даже мешающие рассмотрению юридического конфликта по существу, отвлекающие от сути вопроса.

В связи с этим в параграфе делается вывод о том, что судебные ритуалы и символы, возникающие в различных политико-правовых и социокультурных традициях, переходящие в иные «правовые миры», иные государственно-правовые пространства, также нуждаются в легитима-

ции, причем независимо от формы их легализации, правовой институционализации. Другими словами, легализация судебных ритуалов не является источником их легитимности, но лишь создает для этого формальные основания. Природа легитимного, таким образом, всегда связана со сложным комплексом внутренних, психических переживаний и ценностных установок граждан, борьбой мотивов их правового поведения, переоценкой имеющей место политико-правовой действительности и т.п. В отличие от легализации легитимация не может быть навязана, но механизм стимулирования легитимизационных процессов может быть создан.

Соответственно с этим, соискатель указывает, что власть и имущие часто усматривают смысл удержания подвластных в рамках ритуала, чтобы реанимировать или хотя бы сохранить верность исходной и единой обществу, мобилизующей разные политико-правовые и социально-экономические ресурсы идеи. Поэтому «ритуальные требования» очень часто становятся весьма существенной частью национальной правовой системы (и в условиях авторитарно-тоталитарных политических режимов, и при демократическом государственно-правовом строительстве).

В этом же контексте диссертант анализирует и содержание различных институциональных деформаций, выявляет их причины и последствия. В частности, в диссертации отмечается, что правосудие в тоталитарных системах, сохраняя высокий уровень легитимности своих институтов, тем не менее утратило свою подлинную природу, «растворило» ее в системе судебных ритуалов. Примером тому являются политические процессы, в которых, как известно, все было «сыграно» заранее, а декорации ставились лишь для того, чтобы изображать важное для тоталитарного режима функционирования публичной власти «ритуальное единодушие». Причем это – не единственная форма трансформации правосудия. Неформальное правосудие, то есть «правосудие, протекающее в кабинетах и закрытое для взоров публики», также обходит стороной процесс отправления правосудия в его традиционном понимании.

В завершение параграфа соискатель констатирует, что в символах и ритуалах судебного процесса, кроме всего прочего, проявляется и воспитательная функция суда: они есть средство воспитания индивида, причем часто отрицающего принятые в конкретном обществе социальные нормы и ценности. Последнее же органически связано с особенно-

ствиями профессионального поведения участников осуществления правосудия, спецификой его ритуализации.

Итак, ритуально-символическая сторона судебного процесса всегда выражает связь с прошлым политико-правовым опытом конкретного общества, так или иначе отражает правовые архетипы, обозначает дистанцию между тем, что социально приемлемо, и тем, что уже выходит за границы возможного. Кроме этого, в различных институциональных формах и видах юрисдикций (уголовной, гражданской, административной) судебный ритуал, включенный в процесс интериоризации и экстериоризации институтов судебной власти и процесс разрешения различных типов юридических конфликтов, является значимым элементом ее легитимации.

Вторая глава «Политико-правовая легитимация институтов публичной власти в современной государственности: принципы и приоритеты совершенствования судебной системы» состоит из трех параграфов.

Первый параграф *«Легитимность публичной власти как фактор устойчивого государственно-правового развития»* посвящен определению легитимности публичной власти и правосудия как одной из форм ее деятельности в качестве фактора стратегии устойчивого развития национальных государств, правовых систем в условиях глобализации.

В начале параграфа соискатель указывает, что проблема устойчивого развития в последние годы привлекает к себе все более пристальное внимание международного сообщества, государств, представителей научного сообщества, что, несомненно, связано с глобальными факторами современного мирового развития, которые воздействуют на условия существования отдельных наций, этносов, народов, человечества в целом, и в конечном счете выходит на вопросы о способах его самосохранения и выживания.

По мере изучения проблемы устойчивого развития возникла необходимость расширения первоначального содержания этой концепции, а именно, включения в нее ряда факторов (политических, правовых, социальных, гуманитарных, национальных, конфессиональных, этических и др.), определяющих процесс устойчивости. В рамках политико-правового познания сохранение легитимности государственной (и шире – публичной) власти является важнейшим элементом механизма устойчиво-

го политико-правового развития наций. Последнее в работе представлено через исследование специфики и результатов так называемых «цветных революций», нарушающих эволюционно-реформистский способ развития демократий на территории СНГ и в других регионах мира.

В частности, диссертант отмечает, что на рубеже XX и XXI вв. сохранение легитимности публичной власти, легитимности национальной судебной практики является условием противодействия силовому навязыванию единых критериев организации институциональной системы в политической и правовой сферах жизнедеятельности общества, основой признания самобытности и суверенности национального социально-правового мира.

В свою очередь эффективность правосудия, его результативность, значимость среди иных ветвей государственной власти есть инструмент сдерживания разного рода делегитимационных технологий. Именно слабость судебной власти, ее вторичный характер во многом способствовали возникновению феномена «революционной легитимности», когда национальное законодательство под предлогом его «неправового» содержания и/или неэффективности подменяется прямым действием иных норм, как правило, неких поведенческих «стандартов», не относящихся ни к нормам международного права, ни к праву вообще. В таком случае осуществление правосудия совершенно бессмысленно, а его решения уже не могут быть легитимными, т.к. законность подменена «революционной целесообразностью», а правопорядок разрушен.

Во второй части параграфа соискатель обращает внимание на имеющие место различия факторов и способов легитимности публичной власти в западной и восточной цивилизациях. Причем сама по себе дихотомия «Запад–Восток» является фундаментальной для осмысления сущности всемирно-исторического процесса, а его основные параметры – развитие религии, искусства, правосознания, политики, экономического уклада, включая степень развитости материального обеспечения, наконец, самое главное, тип отношений человека и общества, соотношения индивидуального и социального – различаются по принадлежности к восточной или западной культурам. В условиях глобализации основные противоречия мирового социокультурного развития прямо или косвенно связаны именно с отличительными особенностями западного и восточного политико-правового мира.

Так, легитимность правосудия обусловлена соответствием его институционально-правовых основ и организационных форм таким базовым цивилизационным характеристикам, как готовность или неготовность большинства населения страны ассимилировать новые государственно-правовые институты и ценности; преобладание реформистского, революционного или традиционного начал развития национальной государственности; развитость индивидуального или коллективного начал, приоритет личного, корпоративного или публичного интереса; сложившаяся веками специфика восприятия гражданами государства права, справедливости, закона, морали и т.п.; уровень преобладания формально-рационалистических ориентаций, практицизма и прагматизма; качественное состояние духовной сферы конкретного общества, наций и др. Чуткость законодателя к этим и иным моментам, факторам легитимности судопроизводства, естественно, связана с устойчивостью этого института публичной власти.

В завершение параграфа диссертант делает основные выводы и отмечает, что современная западная судебная власть является институционально-правовым и организационным пространством, в рамках которого проходит «индустрия процессов», осуществляемая адвокатским сообществом, стремящимся максимизировать свой доход за счет втягивания клиентов в целую цепь дорогостоящих судебных заседаний, что, конечно же, провоцирует кризис доверия к институтам правосудия и интенсифицирует поиск новых форм их легитимации.

Восточная же модель политико-правовой институционализации и функционирования правосудия традиционно основана на субсидиарном характере права, его вторичной (по отношению к морали, традициям, религиозным нормам) роли в регулятивном пространстве общества. В этой связи для разрешения юридических конфликтов используются разнообразные институциональные формы посредничества, позволяющие осуществлять внесудебное решение споров. Имеющие же в настоящее время место тенденции вестернизации незападных политико-правовых пространств на самом деле приводят не к усилению роли судов, а только к делегитимации институтов публичной власти.

Во втором параграфе *«Институты судебной власти в национальном государстве: соотношение политико-правовых традиций и инноваций»* диссертант проводит изучение политико-правовых форм ин-

ституционализации традиций и инноваций в процессе развития судебной власти в рамках национальной государственности. В начале параграфа автор отмечает, что именно недооценка проблемы оптимального соотношения традиционных и инновационных элементов в системе правосудия, отсутствие необходимой концептуальной основы модернизации ее структур создают основу для разного рода делегитимационных процессов, приводят к отчуждению населения от институтов судебной власти, непониманию ее значимости и разочарованию в полученных результатах. Именно такого рода ситуация и приводит во многих государствах переходного типа к возникновению так называемой «теневой юстиции», нелегальному, но весьма легитимному и чаще всего эффективному способу разрешения социальных конфликтов.

Диссертант отмечает, что «теневую юстицию» все же следует отличать от «неформальной юстиции», институты которой (народное правосудие, народный трибунал и др.) также возникли в ряде национально-правовых систем (например, в США) в результате утраты легитимности судебной власти, потери авторитета правосудия, но, тем не менее, являлись закономерным результатом развития гражданского общества, повышения уровня правовой культуры граждан, стремящихся через созданные ими структуры (корпорации, ассоциации и т.п.) к наведению порядка на локальной территории или в масштабах всего государства. «Неформальная юстиция», возникнув в прошлых столетиях в качестве инновационного институционального элемента, в настоящее время в ряде государств уже может рассматриваться в качестве одной из традиционных форм разрешения различных, в том числе и правовых, конфликтов.

Далее соискатель выделяет несколько стратегий модернизации правосудия, имевших место как в прошлом, так и в современном мире. В частности, в работе проанализированы генетическая и телеологическая модели реформирования институтов судебной системы в национальном государственно-правовом пространстве.

Первая основана на обязательном учете уже сложившихся традиций, норм, объективных факторов организации правосудия, вторая ориентируется на желаемую, моделируемую (чаще «сверху») кем-либо ситуацию, достижение которой возможно через «бурную инновационную деятельность». В работе отмечается, что, например, в России в истории отечественной государственности телеологическая стратегия модерни-

зации публичной власти всегда осуществлялась в форме импорта правовых и политических институтов, когда в силу «плохости» существующих институционально-нормативных и ценностных стандартов они заменялись иными, доказавшими свою эффективность в других правовых системах институтами. Этот вариант был реализован и в ходе петровского реформирования, и во второй половине XIX в., и в 90-х годах прошлого столетия.

В связи с этим диссертант ставит вопрос о социокультурных предпосылках модернизационных изменений правосудия. На основе анализа обширной источниковой базы (от трудов античных авторов до работ современных исследователей) делает выводы о возможности и целесообразности, формах и методах «продавливания» инновационных структур в национальную систему институтов публичной власти, которая при этом не привела бы к острому кризису их легитимности, «вакууму» государственной власти в обществе.

В завершение параграфа делаются выводы о специфике модернизационных процессов в евро-американском политико-правовом пространстве, рассматриваются и критически оцениваются социокультурные и политико-правовые основания западного правосудия, формы и источники легитимации его институтов.

Третий параграф *«Содержание и формы судопроизводства в правовом культурном контексте»* посвящен рассмотрению институциональных форм и способов легитимации правосудия в пространстве национальной правовой культуры. В начале параграфа диссертант обращает внимание на имеющие место в современной юридической литературе различные дефиниции правовой культуры, охватывающие множество ее аспектов, а также на соотношение этой категории с иными, близкими по смыслу и значению понятиями.

В частности, соискатель подвергает сомнению предложения некоторых авторов отождествить категории «правовая культура» и «юридический менталитет» якобы на том основании, что эти явления совпадают и структурно, и по своему содержанию (И.А. Иванников и др.). По мнению диссертанта, правовая культура охватывает в значительной мере больший пласт правовой реальности, чем правовой менталитет, включающий глубинные установки, «опривыченные» способы поведения разных субъектов права, ценности и т.п.

В рамках исследуемой проблемы правовая культура должна быть прежде всего воспринята как формирующееся в ходе эволюции институтов публичной власти, национальных правовых систем, гражданского общества особое социальное явление, определяющее качественное правовое состояние общества, государства, личности. Другими словами, правовая культура является сквозным элементом, пронизывающим законность, правопорядок, возникающие правовые отношения, имеющим место в конкретном социуме, законотворческую и правоприменительную и иную юридическую практику и т.п.

Кроме этого, именно правовая культура общества выполняет роль «посредника» между прошлым и настоящим юридическим опытом, именно в ее рамках осуществляется преемственность и происходит своего рода «фильтрация» тех или иных рецептированных правовых и политических институтов, формируется восприятие обществом их качественных, сущностных, функциональных и иных характеристик. В этом плане очевидно, что легитимация институтов публичной власти, института правосудия обусловлена спецификой и уровнем развития правовой культуры общества и личности.

Далее диссертант выделяет несколько факторов, влияющих на результаты процессов легитимации правосудия как в современных государствах, так и в прошлом. Это, во-первых, место и роль судов в системе публичной власти (этот вопрос подробно изучался в западной и отечественной правовой науке, в частности, А. Гамильтон считал, что судебная власть, являясь слабой по отношению к иным властным институтам, постоянно нуждается в специальных мерах, укрепляющих ее положение, в противном случае правосудие в начале деформируется, а затем просто исчезнет); во-вторых, огромную роль уровень правовой культуры самих судей, проявляющийся в ценностных ориентациях, адекватном понимании судьями своих функций, в строгом следовании принципу законности, даже если это противоречит возникшей в тот или иной момент политической целесообразности, и т.д.

Кроме этого, автор считает, что уровень легитимности правосудия в различные исторические эпохи, а особенно в современном мире зависит от наличия и эффективного функционирования медиационной правовой культуры, в рамках которой возникает и действует механизм разрешения юридических конфликтов через синтез противоположных тре-

бований, поиск некой «середины» при столкновении интересов. На этой основе возникло и такое явление, как «восстановительное правосудие», получившее свое развитие в западных правовых системах и формирующееся в современной России. В то же время новая парадигма правосудия, возникшая в ходе инновационного творчества судей, юристов, философов права, не должна вытеснить модель «карательного правосудия», что особенно важно при формировании в том или ином обществе нетерпимого отношения населения к преступности.

Кроме этого, соискатель подчеркивает опасность инверсионного типа функционирования правосудия, когда (особенно в условиях транзитивной модели развития государства и права) различные группировки (финансовые или промышленные корпорации, политические партии) стремятся повлиять на содержание судопроизводства и результаты правосудия, которое должно следовать не нормам закона, а руководствоваться их локальным нормотворчеством, отражающим их интересы и принципы регулирования общественных отношений.

В завершающей части параграфа диссертант, опираясь на труды М. Фуко и других исследователей правокультурных аспектов института правосудия и смежных с ним институтов (наказания, юридической ответственности и т.п.) представляет, выявляет и анализирует конституирующие судебную власть политико-правовые и иные социальные практики.

В третьей главе **«Социокультурные и политико-правовые механизмы легитимации правосудия как одной из форм публичной власти»**, состоящей из двух параграфов, диссертант рассматривает политико-правовые, социокультурные механизмы процесса легитимации институтов правосудия, исследует конфликтологические аспекты этой проблемы.

Первый параграф **«Основные проекты юридической трансформации правосудия»** главы посвящен изучению основных направлений и особенностей трансформации правосудия в национальном и международном политико-правовом пространстве, специфике интерпретации содержания и направленности этого процесса.

В начале параграфа диссертант приводит необходимые аргументы в отношении того, что возникновение и развитие правосудия, сохранение этой формы деятельности публичной власти порождено социальной потребностью в «беспристрастном арбитре», способном разрешить кон-

фликт, наказать виновного, защитить пострадавшего, подтвердить чье-либо законное право и т.п. Так или иначе, но при осуществлении правосудия происходит своего рода переоформление юридического конфликта, он «растворяется» в судебном процессе, а его рассмотрение запускает функционирование разного рода процессуальных институционально-правовых форм, влечет деятельность разных институциональных субъектов.

Вообще, в ходе своего развития судебная власть приобретает универсальное значение. Законодательная и исполнительная ветви вынужденно, в силу действия многих факторов демократического транзита, влияющего на изменение конфигурации институтов публичной власти, сужают границы своих полномочий: суд выполняет особые функции, этот институт разрешает конкретные дела, участвует в реальных жизненных ситуациях, в силу чего максимально приближен к экономическим, политическим и духовно-нравственным реалиям.

Жизненные ситуации, юридические конфликты, с которыми сталкиваются судьи, наполняются такими особенностями, которые законодатель просто не в состоянии предвидеть. К этому следует добавить и то, что растет не только количество обращений в суды, но и качество этих обращений, связанных с гораздо более широким пониманием людьми своих прав.

Далее соискатель отмечает, что в западной государственно-правовой традиции трансформация судебной власти связана с поиском оптимального «водораздела» между правосудием и политической практикой. За последние столетия стало аксиоматичным то, что судья, избегая опасности быть «политическим флюгером», должен стремиться к тому, чтобы стоять вне публичной политики и в то же время учитывать ее в случаях, требующих его усмотрения. Именно такой правовой режим функционирования суда должен быть создан в современном демократическом государстве. Хотя такая институционально-правовая основа правосудия делает деятельность судьи еще более сложной, тем не менее, правосудие не может быть изолировано от иных институтов публичной власти и их воздействия.

Основными тенденциями модернизации правосудия являются его деполитизация и юридизация. В таком контексте диссертант выделяет и анализирует несколько проектов юридической трансформации правосудия: бюрократическую модель (присущую континентальной Евро-

пе) и профессиональную (англо-саксонскую) модель, в рамках которой строятся отношения между институтами правосудия и политической жизни. Критически оценивая позицию А. Гарапона, соискатель показывает специфику организации правосудия и способы контроля за деятельностью судей в англо-саксонском мире и в странах, принадлежащих к романо-германской правовой семье, выявляет существенные различия.

В заключительной части параграфа диссертант обращает внимание на то, что в последние десятилетия во многих странах мира наблюдается расширение интереса общества к проблемам общего блага, справедливости и гражданских прав. В этом плане правосудие превращается в нейтральное, не принадлежащее ни к одному из противоборствующих институтов гражданского общества публично-правовое пространство, в рамках которого разрешаются конфликты между личными, корпоративными и публичными интересами.

Очевидно, что судебная власть должна воспитывать общественное доверие к себе, т.к. его легче подорвать, чем сохранить. Многолетние старания и усилия могут быть потеряны навсегда из-за нескольких неверных решений. Огромную роль играет соблюдение правил судейской этики. По большому счету, от судьи требуется независимость не только от внешних факторов, но и от своих личных мыслей и чувств, что, конечно же, не реально, т.к. исключение субъективного фактора во многом противоречит сути судебной деятельности, в ходе которой судья занимается толкованием не только применяемых норм права, но и его существенных обстоятельств, осуществляет судебное усмотрение.

В завершение параграфа диссертант отмечает основные просчеты концепции и хода судебной реформы в постсоветской России, обосновывает вектор трансформации отечественного правосудия, дает критическую оценку стремлению в короткие сроки «изжить» пороки советского судопроизводства и внедрить его альтернативные формы (с участием присяжных заседателей, третейские суды и т.п.).

Во втором параграфе *«Легитимность международного правосудия в конфликтологическом измерении: политико-правовая и социокультурная динамика»* соискатель поднимает вопрос об особенностях легитимации возникшей во второй половине XX в. системы международного правосудия.

В начале параграфа диссертант обращается к некоторым элементам теории конфликта и выделяет два возможных варианта завершения социального конфликта: урегулирование конфликта и его разрешение. По мнению соискателя, абсолютное большинство конфликтов в правовой сфере не разрешаются, а именно урегулируются, тем более, когда речь идет о функционировании института правосудия. И это объясняется природой и основными функциями судопроизводства, в ходе которого юридический конфликт фактически не прекращается, не приходит к разрешению, т.к. происходят принуждение или побуждение одной из сторон к принятию предложения или позиции, выгодной или желаемой другой стороной, при этом в урегулировании конфликта принимает участие третья сторона – суд. Урегулирование конфликта приводит к его минимизации, возможно, временному «затуханию», т.к. имеющие место противоречия между сторонами окончательно не снимаются.

Именно с этих позиций соискатель рассматривает специфику функционирования институтов международного правосудия, международной судебной системы. Ее создание большинством исследователей этого вопроса оценивается позитивно, как закономерный результат эволюции международных и межгосударственных отношений во второй половине XX в. Диссертант анализирует место и роль международных судебных институтов в процессах стабилизации политико-правовой и социально-экономической ситуации в мире, их значение для снятия напряженности в тех или иных сферах жизнедеятельности международного сообщества, которое в этом случае следует признать в качестве крупнейшего и весьма своеобразного территориального публичного коллектива, отношения в котором противоречивы, конкурентны и конфликтно-генны. Публичная власть международного сообщества имеет договорной характер и является производной от власти добровольно объединившихся государств, признающих общепризнанные принципы и нормы международного права.

Легитимность институтов публичной власти международного сообщества, политико-правовой механизм ее достижения чрезвычайно сложны и реально (по крайней мере, в современном мире) практически не достижимы, т.к. трудно представить, что интересы столь отличающихся по уровню своего экономического и политического развития, миропониманию, ментальности нации могут совпадать настолько, что дей-

ствия каких-либо международных структур будут ими оправдываться и пользоваться поддержкой.

Тем не менее, в отношении деятельности международной судебной системы проблема легитимации не снимается, т.к. различные международные институты (СМИ, аналитические центры, политические и правозащитные организации и др.) стремятся повысить авторитет Международного суда, Европейского суда по правам человека. Более того, в этот же процесс вовлечены и российские правозащитники, способствующие обращению граждан в Евросуд, эффективная деятельность которого в большинстве случаев стимулирует веру во «всесилие европейской Фемиды», тогда как легитимность отечественного правосудия утрачивается (по данным соцопроса фонда «Общественное мнение», проведенного в первой половине 2009 г., 39 % граждан не верят российским судам, не считают их решения справедливыми). Таким образом, международное правосудие является способом решения многих проблем, возникающих у граждан различных государств, а ее политико-правовые и институциональные аспекты способствуют государственно-правовой интеграции.

Однако в этом процессе имеет место и ряд институционально-правовых и социальных издержек: а) институты международного правосудия за последнее десятилетие стали инструментом прямого влияния различных наднациональных структур на национальное законодательство, направленность развития национальной правовой системы, что, конечно же, весьма опасно в плане сохранения реального суверенитета государств; б) Евросуд не разрешает конфликт между гражданином и государством, а только урегулирует через разного рода императивно-компенсационный механизм, взаимные же претензии, а значит, и дистанция между человеком и национальными институтами публичной власти сохраняются, что и является источником делегитимационных тенденций; в) Европейский суд в своих решениях, естественно, руководствуется международными правовыми и социокультурными стандартами, считая их универсальными, однако не все они могут и должны быть использованы в конкретных государствах (например, в России и многих других странах вряд ли целесообразно разрешать «гей-парады», а позиция Евросуда иная, и т.п.), в этом плане деятельность международных судебных структур можно расценивать и в качестве способа

«экспортирования» принадлежащих к иной государственно-правовой традиции институтов и принципов.

В завершение параграфа соискатель констатирует, что лидирование России по количеству гражданских жалоб, поданных в Европейский суд по правам человека, при сравнительно низком проценте обращений, принятых к рассмотрению в этой международной инстанции, является показателем низкого уровня легитимности национального правосудия; качественных изменений правовой культуры и правового сознания россиян, происшедших за последние десять лет; сохраняющегося отчуждения институтов гражданского общества и публичной власти, и др.

В четвертой главе «**Политико-правовые особенности легитимации институтов судебной власти в условиях глобализации**», состоящей из трех параграфов, выявляется специфика легитимационных процессов в сфере российской судебной власти. Диссертант критически оценивает основные стратегии ее развития в глобализирующемся мире.

В первом параграфе «**Российская публичная власть в современных глобализационных процессах**» диссертант выявляет основные тенденции функционирования институтов публичной власти в постсоветской России, развитие которой сопряжено с эскалацией глобализационных процессов, влияющих на трансформацию содержания властной деятельности, осложняющих процессы ее легитимации.

В начале параграфа соискатель утверждает и приводит аргументы в отношении того, что четкая фиксация ситуационных и сущностных трансформаций правосудия связана с проблемой выявления специфики и направленности глобализационных процессов. В этом плане отмечается, что глобализационные процессы характеризуются неравномерностью развития и плохой управляемостью. Это и обуславливает поляризацию как внутри отдельных стран, так и по линии «Север–Юг», что ведет к глобальной асимметрии современного мира. Относительно же самого термина «глобализация» (впервые он был введен в научный оборот Т. Левиттом в 1983 году) можно сказать, что он не имеет однозначного понимания. Хотя в 90-е годы XX столетия этот термин вошел в широкий научный оборот, серьезно потеснив понятие «постмодернизм», в современном политико-правовом познании глобализация понимается как объективный процесс сближения, интернационализации национальных правовых систем, политических институтов на основе признания

неких универсальных принципов, ценностей, норм.

Кроме этого, диссертант обращает внимание, что глобализация сопровождается процессами дифференциации, регионализации, локализации и фрагментации (или «фрагмерации», понимаемой как правовая, политическая, экономическая и социокультурная фрагментация плюс интеграция). Поэтому традиционные государства, сохранившиеся в тех или иных институциональных формах (идеократических и др.), испытывают деформацию привычных публично-властных структур, в том числе и правосудия.

В контексте определения стратегии развития институтов публичной власти автор диссертации обращает внимание на необходимость использования модели опережающего развития, что, безусловно, важно для обеспечения эффективного характера российского реформирования на рубеже веков. Речь идет о принципе опережения при создании условий над воспроизводством систем: начинать очередной этап реформ нужно не с экономики, а с изменения право- и политико-институционального «контура», обеспечивающего воспроизводство, высокий уровень легитимации среды.

Далее соискатель подчеркивает, что развитие национальных государств в условиях глобализации теснейшим образом сопряжено с системным кризисом, деформациями институционального профиля. Однако, воздействуя на различные сферы жизнедеятельности общества и выявляя необходимость их структурной трансформации, именно кризис обеспечивает движение к новой политико-юридической и социально-экономической целостности, позволяя освободиться от переживших свое историческое время государственно-правовых институтов, структур и отношений.

Однако следует взвешенно подойти к процессам вестернизации национальной государственно-юридической реальности. Выявляя национальные основы законности и правопорядка, нельзя забывать и о том, что право и закон никогда не играли в русской жизни роль безальтернативного, исключительно позитивно воспринимаемого большинством населения регулятора общественных отношений. В данном контексте развитие институтов правосудия имеет весьма и весьма специфический характер и сопряжено не только и не столько с советским опытом и рецидивами социалистической идеологии, сколько с устоявшимися в

отечественной истории способами разрешения правовых конфликтов, а также с местом и ролью судебной власти в Российском государстве (диссертант показывает, что и в Российской империи, и в СССР правосудие было тесным образом сопряжено с функционированием институтов исполнительной власти).

В завершение параграфа диссертант отмечает, что в современный период развития отечественной правовой системы простое наращивание заимствованных из романо-германской или англосаксонской цивилизации институтов, государственно-политических конструкций, концепций, доктрин совершенно бесперспективно точно так же, как и увеличение нормативно-правового массива не приведет к укреплению режима законности и правового порядка в стране.

Второй параграф *«Легитимность судебной власти в конвергенционных правовых и политических системах»* посвящен изучению правовых форм институционализации правосудия и способов его легитимации в конвергенционных правовых и политических системах.

В начале параграфа диссертант обращает внимание на базовые принципы осуществления правосудия, его различный институциональный профиль в романо-германской и англосаксонской правовых системах, ориентируясь на труды известных европейских и американских компаративистов, выявляет основные истоки имеющих место отличий в статусе судов и их значимости в системе институтов публичной власти.

В частности, отмечается, что степень самостоятельности, независимости и авторитета правосудия находится в зависимости от исторических особенностей, уровня правосознания и некоторых других факторов. Однако общим является возрастание роли судебной власти, чему, например, способствовало и расширение во второй половине XX века судебного контроля (надзора) за конституционностью и законностью нормативных и иных правовых актов.

Конечно, институциональные реформы, проводимые, в частности, в постсоветских государствах, напрямую влияли и на содержание и структуру национального правосудия, развитие которого в конвергенционных правовых и политических системах было сопряжено с рядом факторов: а) неизбежным для такого рода систем многообразием гибридных государственно-правовых и социально-экономических институциональных форм, противоречивостью федеральной и региональной

правотворческой политики, «пробельностью» действующего законодательства, обуславливающими деформацию складывающихся в обществе правовых отношений; б) отсутствием должной по своим качественным и количественным показателям нормативной базы, что приводит к фактическому отказу гражданам в правосудии либо в значительной мере понижает уровень справедливости выносимых решений и приговоров; в) хаосом в системе институтов государственной власти и связанным с ним стремлением к укреплению исполнительных властных структур как действенному варианту преодоления хаотических проявлений; г) преобладанием в системе властных отношений ориентации на диктуемую ситуацией или личными устремлениями властных элит целесообразность действий, пусть даже в ущерб принципам законности (что обосновывается политической необходимостью или «устарелой» законодательной базой); д) отсутствием научно обоснованной концепции судебной реформы, ее «запаздывающим» характером, недостатком финансирования и др.

Ясно, что в таких условиях осуществление правосудия определяется политической конъюнктурой, целевыми установками главы государства, представителями высших органов исполнительной власти.

Однако, по мнению диссертанта, постепенная демократизация конвергенционной политической системы, институты которой постепенно обретают ее относительно устойчивое развитие, неизбежно приведет к повышению роли судебной власти, качественному изменению правового содержания правосудия. Для этого в переходный период развития национального государства важно сохранить его легитимность, что в свою очередь связано с рядом моментов: а) не стремиться к противопоставлению правосудия и институтов законодательной и исполнительной власти, это не прибавит авторитета судебной власти, но только создаст еще одну «конфликтогенную зону»; б) взвешенно относиться к реализации принципа федерализации судебной власти, не стимулировать процессы создания субъектами федерации собственной системы судов, которая не была бы включена в единую общегосударственную судебную власть (такие предложения имели место в России в начале 90-х годов); в) критически, но в то же время конструктивно подойти к вопросу о создании отраслевых и негосударственных форм осуществления правосудия, а также к разного рода институциональным заимствованиям, например,

к модели суда присяжных, укоренение которой в России всегда имело проблемы, хотя институт народного представительства в отечественном правосудии имеет глубокие исторические корни.

Ясно, что, учитывая эти и иные моменты (в работе отдельно анализируется вопрос о кадровом обеспечении судопроизводства, что важно при современной специфике юридического образования и деформации ценностных ориентиров в современном обществе, о необходимости изменения статуса судей и др.), даже в конвергенционной политической системе правосудие сохранит необходимый для обеспечения легитимности этого института уровень эффективности. В противном случае, даже в «демократической оболочке» неизбежен процесс эрозии судебной системы, возможны разного рода «мутации» ее основных институтов.

В третьем параграфе *«Правосудие как институциональный механизм защиты национальных интересов, прав и свобод личности»* соискатель подробно анализирует значение правосудия, его место и роль в механизме защиты публичных и частных интересов, прав и свобод общества и личности.

В начале параграфа диссертант констатирует, что идея прав человека и личности в рамках европейской политико-правовой и культурной традиции соединила нравственные и правовые начала, превратившись тем самым в универсальную ценность. Используя метод генетической деконструкции, соискатель выявляет исторический и социокультурный контекст, имеющие традиционный и инновационный характер античные, средневековые и нововременные политические практики, обусловившие становление и развитие института прав человека, демократического государственно-правового режима в последующие эпохи. Так, в работе указывается, что знаменитая формула Протагора «человек – мера всех вещей» положила начало персонцентристским воззрениям на развитие общества и государства, соотношение публичных и частных интересов, определила содержание западной политико-правовой культуры.

Далее отмечается, что права и свободы человека – это динамическая категория, подверженная воздействию разных факторов и трансформирующаяся в национальном государственно-правовом пространстве. Новые экономические, политические, этические, геополитические, социальные условия определяют необходимость анализа современного состояния прав и свобод человека, изменений их содержания и принци-

пов, а также способов правовой защиты. Особенности прав и свобод человека на рубеже XX и XXI веков состоят в том, что они развиваются в условиях противоречий глобализирующегося мира, которые привели к возникновению системы модернизационных рисков, устранение которых не может происходить вне правового поля.

В этом плане диссертант выявляет ряд важных в теоретико-методологическом и практическом аспектах проблемы моментов: а) в современном государстве на конституционном и законодательном уровнях должны получить закрепление как системоцентричные, так и эгоцентричные начала механизма правового регулирования взаимодействия интересов, пока же Конституция РФ фиксирует приоритет частного интереса по отношению к общесоциальным; б) в настоящее время на правовом (правотворческом и правоприменительном) и политическом уровнях необходимо отказаться от противопоставления публичных, корпоративных и личных интересов, реализация которых предполагает их диалектическую связь, однако и отождествлять эти интересы не следует; в) в последние десятилетия возникли тенденции опережающего развития коллективных прав и интересов по отношению к индивидуальным правам; г) национальные правозащитные институты и, прежде всего, институт правосудия теряют право «монопольного защитника прав человека», т.к. возникают наднациональные судебные и иные структуры, однако последние не могут быть защитниками интересов и прав конкретной нации, государства без нарушения их суверенитета (события в Югославии и Ираке это прекрасно подтвердили).

Эти обстоятельства и определяют значение правосудия в механизме защиты национальных интересов и прав личности, причем при условии высокого уровня его легитимности.

В завершающей части параграфа диссертант делает необходимые выводы и выделяет структурные элементы правозащитной деятельности судебной власти: институционально-организационный (формирование различных видов судов, их территориальную привязку); институционально-правовой (наличие и особенности национального законодательства в сфере коллективных и индивидуальных прав, уровень признания международных норм и принципов в области гуманитарного права, сопряженность национального и международного нормативно-правовых компонентов правозащитной деятельности); институциональ-

но-социальный (характер и результаты взаимодействия судебных структур и институтов гражданского общества, правозащитных и политических организаций, нравственные и традиционные основы их коммуникации).

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, излагаются выводы, предложения и рекомендации по совершенствованию системы правосудия и институциональных форм его легитимации на федеральном и региональном уровнях, намечаются перспективы дальнейшего изучения данной проблемы.

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие работы:

Монографии:

1. Власова Г.Б. Социокультурная легитимация институциональных форм правосудия: Монография. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2007. – 13,4 п.л.

2. Власова Г.Б. Развитие институтов правосудия в условиях современных глобализационных процессов: Монография. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2008. – 8,4 п.л.

3. Власова Г.Б. Концептуально-правовой анализ государственно-правовых явлений современного общества: Коллективная монография РГЭУ «РИНХ». Ростов н/Д, 2008. – 7 п.л./1 п.л.

4. Власова Г.Б. Юридическая ответственность должностных лиц и государственных служащих по законодательству Российской Федерации: Коллективная монография. Ростов н/Д: Антей, 2008. – 13,5 п.л./2,5 п.л.

***Статьи, опубликованные в изданиях Перечня ВАК
Минобрнауки России***

5. Власова Г.Б. Символы и ритуалы как культурные характеристики судебного процесса // Философия права. 2007. № 2. – 0,5 п.л.

6. Власова Г.Б. Религиозно-идеологические и нравственные основания осуществления правосудия в императорском Китае // Известия вузов. Общественные науки. Северо-Кавказский регион. 2007. № 4. – 0,5 п.л.

7. Власова Г.Б. Феномен суда в развитии мировой цивилизации // Философия права. 2007. № 5. – 0,5 п.л.

8. Власова Г.Б. Византийская традиция в правосудии // *Философия права*. 2008. № 1. – 0,5 п.л.

9. Власова Г.Б. Возрастание значения судебной практики в системе источников романо-германской правовой семьи // *Юристь-Правоведь*. 2008. № 4. – 0,5 п.л.

10. Власова Г.Б. Судейский корпус в судебных системах зарубежных стран // *Юристь-Правоведь*. 2008. № 5. – 0,5 п.л.

11. Власова Г.Б. Проблемы правопонимания и развитие концепции судебной власти // *Философия права*. 2008. № 6. – 0,5 п.л.

12. Власова Г.Б. Основные модели судебных систем // *Известия вузов. общественные науки. Северо-Кавказский регион*. 2009. № 2. – 0,6 п.л.

Статьи, тезисы докладов и выступлений на научных конференциях

13. Власова Г.Б. Проблемы правопонимания в современной теории права // *Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета*. 2004. № 1. – 0,5 п.л.

14. Власова Г.Б. Проблемы юридической ответственности // *Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета*. 2004. № 3. – 0,4 п.л.

15. Власова Г.Б. Современные подходы к пониманию и определению понятия «право» // *Правоведение: Вопросы теории и практики: Сб. статей ЮРГИ*. Ростов н/Д: «Фолиант», 2004. – 0,4 п.л.

16. Власова Г.Б. Образ суда в философии права // *Юридический вестник*. 2006. № 3. – 0,5 п.л.

17. Власова Г.Б. Образ правосудия в европейском правосознании // *Изменяющаяся правовая система России в условиях современного социально-экономического развития: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава*. Ростов н/Д, 2006. – 0,4 п.л.

18. Власова Г.Б. Анализ судебных функций с позиций правовой культуры // *Гуманитарные и социально-экономические науки. Спецвып. Право*. 2006. – 0,4 п.л.

19. Власова Г.Б. Философское осмысление судебной власти в Библии // *Научная мысль Кавказа*. 2007. № 1. – 0,6 п.л.

20. Власова Г.Б. Суд: функциональная характеристика (философско-правовой анализ) // *Суд, право, власть: Сб. науч. статей*. Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2007. – 0,5 п.л.

21. Власова Г.Б. Судебный процесс над Сократом (философско-правовой анализ) // Проблемы современной юридической науки в период политико-правового реформирования России: Ученые записки. Ростов н/Д, 2007. Вып. 5. – 0,3 п.л.
22. Власова Г.Б. Особенности судебной власти в условиях западно-европейской феодальной государственности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1. – 0,6 п.л.
23. Власова Г.Б. Философско-правовое осмысление сущности правосудия // Суд, право и власть: Сб. науч. статей. Ростов н/Д: Изд-во «Эверест», 2007. Вып. 3. – 0,4 п.л.
24. Власова Г.Б. Античная концепция правосудия // Эволюция государственных и правовых институтов в современной России: Ученые записки. Ростов н/Д, 2007. Вып. V. – 0,3 п.л.
25. Власова Г.Б. Философско-правовая концепция правосудия М. Фуко // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 4. – 0,6 п.л.
26. Власова Г.Б. Исламская правовая традиция в осуществлении правосудия // Науч. труды Российской академии юридических наук: В 2 т. М.: Юрист, 2007. Вып. 7. Т. 1. – 0,2 п.л.
27. Власова Г.Б. Аксиоматика современного правосудия // Правовая политика Российской Федерации в условиях современного социально-экономического развития: Матер. II Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2007. – 0,3 п.л.
28. Власова Г.Б. Роль судебной практики в правовом регулировании // Юридическая риторика в современном информационном пространстве: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. 19 октября 2007 г. Ростов н/Д, 2007. – 0,4 п.л.
29. Власова Г.Б. Правосудие и тюрьма в романе Ф.М. Достоевского «Записки из мертвого дома» // Юридическая риторика в современном информационном пространстве: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. 19 октября 2007 г. Ростов н/Д, 2007. – 0,6 п.л.
30. Власова Г.Б. Феномен суда в европейской правовой культуре // Тенденции развития современного права: теоретические и практические проблемы: Сб. статей (по матер. Междунар. науч.-практ. конф. 18 мая 2007 года). Т. 1. Краснодар, 2007. – 0,3 п.л.
31. Власова Г.Б. Международный суд: история и современность // Суд, право и власть: Сб. науч. статей. Ростов н/Д: Издательство ООО

«Ковчег», 2008. Вып. 4. – 0,4 п.л.

32. Власова Г.Б. Концепция международного правосудия и ее реализация в современном мире // Эволюция государственных и правовых институтов в современной России: Ученые записки. Ростов н/Д, 2008. Вып. 6. – 0,5 п.л.

33. Власова Г.Б. Развитие идеи прав человека как универсального основания права на суд // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 6. – 0,6 п.л.

34. Власова Г.Б. Оказание влияния на государственную власть // Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. 2008. № 1. (В соавторстве). – 0,5 п.л./0,3 п.л.

35. Власова Г.Б. Влияние современных глобализационных процессов на судебную практику // Юридический вестник. 2008. № 3. – 0,5 п.л.

36. Власова Г.Б. Права личности и реализация правосудия в условиях современных глобализационных процессов // Юридическая наука и методология преподавания юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования: Сб. науч. статей по матер. III Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2008. – 0,5 п.л.

37. Власова Г.Б. Влияние правовой культуры общества на процессы реализации судебной власти // Культура, общество, личность: проблемы науки и образования ЮРГИ. Ростов н/Д: Изд-во «Антей», 2009. – 0,3 п.л.

38. Власова Г.Б. К вопросу о характеристике судебной системы России // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 1. – 0,5 п.л.

Учебные пособия

39. Власова Г.Б. Правоведение: Учеб. пособие для высших учебных заведений. Ростов н/Д: «Феникс», 2001. (В соавторстве). – 20 п.л./3 п.л.

40. Власова Г.Б. Политология: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. Рекомендовано Министерством образования РФ в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений. Ростов н/Д: Изд. Центр «Март», 2002. (В соавторстве). – 16 п.л./1,5 п.л.

41. Власова Г.Б. Теория государства и права. 100 экзаменационных ответов: Учеб. пособие. Ростов н/Д: «МарТ», 2002. (В соавторстве). – 15,6 п.л./2,5 п.л.

42. Власова Г.Б. История политических и правовых учений: Конспект лекций. Ростов н/Д: «Феникс», 2002. (В соавторстве). – 13,5 п.л./6 п.л.

43. Власова Г.Б. История политических и правовых учений. Экзаменационные ответы. Ростов н/Д: «Феникс», 2003. (В соавторстве). – 18 п.л./5 п.л.

44. Власова Г.Б. История политических и правовых учений. 100 экзаменационных ответов: Экспресс-справочник для студентов вузов. М.: ИНЦ «Март»; Ростов н/Д: Издательский центр «Март», 2003. (В соавторстве). – 16 п.л./4,5 п.л.

45. Власова Г.Б. Теория государства и права. Краткий курс. Ростов н/Д: «Сигма», 2003. (В соавторстве). – 13,5 п.л./8 п.л.

46. Власова Г.Б. История политических и правовых учений: Учеб. пособие для высших учебных заведений. Ростов н/Д: «Феникс», 2004. (В соавторстве). – 22 п.л./4,5 п.л.

47. Власова Г.Б. Проблемы теории государства и права. Ростов н/Д: ООО «Ростиздат», 2004. (В соавторстве). – 12 п.л./7,5 п.л.

48. Власова Г.Б. Правоведение / Под ред. Е.Н. Гордиенко. Ростов н/Д: «Феникс», 2005. (В соавторстве). – 18 п.л./2 п.л.

49. Власова Г.Б. Теория государства и права: Учеб. пособие. Ростов н/Д: «Сигма», 2006. (В соавторстве). – 19,2 п.л./8 п.л.

50. Власова Г.Б. История политических и правовых учений. 100 экзаменационных ответов. Экспресс-справочник. М.: ИНЦ «Март»; Ростов н/Д: Издательский центр «Март», 2009. (В соавторстве). – 14 п.л./3 п.л.

51. Власова Г.Б. Правоведение: Учебник / Под ред. И.В. Рукавишниковой и И.Г. Напалковой. М.: Норма, 2009. (В соавторстве). – 24 п.л./2 п.л.

09-23094

Сдано в набор 30.09.09. Подписано к печати 01.10.09.
Формат 60х84/16. Объем 2,5 п.л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать ризография. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 594

Отпечатано в отделении оперативной полиграфии ОНиРИО
Ростовского юридического института МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Маршала Еременко, 83.